

Л. К. ШАН

Скольжение по спирали

ИЛИ

ПОКЛОННИКИ МИИ РИМИК

НОВЕЛЛА

Л. К. Шан

**Скольжение по спирали.
Или поклонники Мии Римик**

«Издательские решения»

Шан Л. К.

Скольжение по спирали. Или поклонники Мии Римик /
Л. К. Шан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857251-7

Закройте глаза и представьте маленький отель на отшибе французского города. В нем несколько человек, которые должны искупить свою вину за трагедию, случившуюся много лет назад. Открыв глаза, кого вы увидите в отражении? Вы всё тот же, или один из героев этой истории, который прячет ошибки прошлого, надевая маску несуществующего человека? Спуститесь по спирали до самых глубин вашей памяти, вытаскивая из закоулков самые темные пятна прошлого.

ISBN 978-5-44-857251-7

© Шан Л. К.
© Издательские решения

Содержание

Благодарность автора	6
Поклонники Мии Римик	7
Сумбурный вечер Леона Камэ	8
Письма из Сен-Жэмо	15
Сеансы д-ра Абирталя	18
Окружение м. Римик	23
Записки Айека Ноела	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Скольжение по спирали Или поклонники Мии Римик

Л. К. Шан

© Л. К. Шан, 2024

ISBN 978-5-4485-7251-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность автора

В создании истории о поклонниках Мии Римик неоценимую помощь и поддержку оказал мой самый главный критик – моя мама. Спасибо, что я никогда не одинок ни в одной из своих затей и начинаний.

Бесконечная благодарность и самые теплые слова признательности моей драгоценной Мэй Фэн. Спасибо, за неповторимые краски, которыми с твоим приходом наполнилась моя жизнь, становясь все более осмысленнее и радостнее!

Я также благодарю своего Крестного за сильные послылы созидательной энергии, побуждающие меня продолжать совершенствоваться и не переставать верить в себя.

В написании книги добрым словом и ценными советами мне помогли семья Корневых – Оксана, Екатерина, и, в особенности, Эдуард, которого я благодарю за совместные поездки в места, послужившие прототипом лечебницы Сен-Жэмо.

На протяжении всего времени, что я готовил эту историю, меня поддерживали и терпеливо выслушивали благодарная аудитория: Елена Г., Артем Б., Роман Г., Андрей Р., Мария К. и Алексей Д. Я благодарен вам за ваше влиятельное присутствие в моей жизни и доброе расположение ко мне.

Место развития событий, отельное убранство и некоторые элементы внешнего вида были описаны с реального отеля, управляющую которого – Юлию Т. я также благодарю за лояльное и доверительное отношение в период нашего сотрудничества.

Отдельную благодарность и дружескую признательность я выражаю тюменскому коллективу «Мимикрия», в особенности режиссерам театра – Полине К. и Майе Ш., в лице которых я обрел не только друзей, но и кладезь новых идей, вдохновивших меня на поиск новых ракурсов, форм и стилей повествования.

Наконец, я с большим уважением хотел бы отметить работу всех выдающихся деятелей искусства – изобразительного, архитектурного, а также творцов музыки и кино, которых я упоминаю прямо или на чьи работы косвенно ссылаюсь в своей истории; и которые не жалея своего здоровья и сил, отдавали себя своему делу.

Браво вам, маэстро!

Спасибо, друзья!

Поклонники Мии Римик

Познание человека идет не по прямой, а кривой линии, бесконечно приближающейся к ряду кругов, к спирали.

(Гегель)

Мы делим время на три части – прошлое, настоящее и будущее. Это разделение ложно [...]. То, что уже прошло – это время; то, что еще должно случиться – тоже время. То, что есть сейчас – это не время, потому что оно всегда здесь. [...]. Сейчас-вечно.

(Ошо)

Почему они называют это болезнью? Разве нельзя было бы с таким же успехом считать ее особым видом душевного богатства? Разве в самом нормальном человеке не сидит с десяток личностей? И не в том ли разница только и состоит, что здоровый в себе их подавляет, а больной выпускает на свободу? И кого в данном случае считать больным?

(Ремарк)

«Вы спросили меня, думал ли я об Эйнштейне, когда рисовал мягкие часы. Я отвечаю вам отрицательно – дело в том, что связь пространства и времени давно была для меня абсолютно очевидной, поэтому ничего особенного в этой картине для меня не было. Именно поэтому моя картина носит название „Постоянство памяти“. Памяти о взаимосвязи пространства и времени»

(из письма Дали Илье Прихожину)

Сумбурный вечер Леона Камэ

КОМНАТА ГОСПОДИНА КАМЭ

« – Алло?

– Вечер добрый. Могу я услышать месье Камэ?

– Да-да. Я вас слушаю...»

Резкая, болезненная трель телефонного звонка пронзила безмятежную тишину субботнего вечера. Маленькая комната с затхлым воздухом и зашторенными окнами впервые за долгое время подала единственный признак своей отрешенной жизни. И выкрик этот был безумен, внезапен и алярмичен по своей сути.

В заношенных пантуфлях и незастегнутом халате господин Леон Камэ – грузный господин, лет эдак под пятьдесят, пронизал дымовую завесу своих апартаментов, и снял трубку в другом конце комнаты.

« – Алло?»

Голос его был хрипл, как будто он не разговаривал несколько недель подряд, и вот теперь его связки заново пытались воспроизводить подзабытые за ненадобностью звуки. Услышав свое имя, названное не представившимся господином на том конце провода, месье Камэ про себя отметил, что не помнит, когда ему вообще звонили в последний раз, равно как и обращались по фамилии.

« – Я... хотел бы вас просить об услуге. В вашей области...»

Голос в трубке говорил негромко, зато учтиво, с холодной любезностью, присущей всем без исключения людям старой закалки, к которой господин Камэ причислял и себя, а потому манеру общения с легкостью распознал и, не без нахлынувшего подобия радости, принял. Господин Камэ довольно поежился, готовясь придать своей речи как можно более формально-остраненный вид.

« – Уверю вас месье, вам стоит сюда приехать! Это уникальный шанс – без вашего участия сее действие не состоится. Однако, поспешите – дело не терпит отлагательств... Я со своей стороны гарантирую вам щедрое вознаграждение за столь позднее беспокойство. По двойному тарифу, разумеется. Вас это устроит, господин Камэ?»

Господин Камэ вскинул брови, услышав решающий аргумент в конце и без того убедительного пассажа.

«Двойной, да?»

Он закусил густой рыжеватый ус, и поднял взгляд на настенные часы – стрелки замерли на четверти десятого, наглядно разделяя циферблат пополам. Через полчаса можно заставить себя почитать, а потом отправляться в ванну и спать – в этом городе все ложились спать пораньше, как курицы осенью... Совсем не так, как тогда, когда в молодости, когда он жил в верх Господин Камэ еще раз все взвесил. Перспектива надевать пальто, чистить ботинки и ехать в...

« – Вы когда-нибудь слышали о «Ми Руа»? Это в некотором роде, придорожная гостиница, отель. – послышалось торопливое объяснение, и не дождавшись ответа, голос уточнил – за площадью Близнецов, на север до пересечения улиц Имаж и Насьон. Там дальше шоссе, езжайте по нему...»

– Простите, я совершенно не понимаю, где это находится. Никогда не слышал об этом... «Ми Руа».

– Вы увидите, обязательно увидите его, месье. Поезжайте по шоссе, как я вам говорил, и вы заметите слева здание с двумя шпилями – вам именно к нему. Пардон, больше не могу говорить. Приезжайте, встретимся внутри».

Трубка коротко запротивничала гудками, и господин Камэ поспешно вернул ее на место, переваривая услышанное.

Нужно было определяться. Он беспокойно потопал одной ногой в поношенном пантуфле, и снова уныло взглянул на большие настенные часы.

С одной стороны делать ему было совершенно нечего – весь сегодняшний день он просидел взаперти, лениво выкуривая сигару за сигарой, не выходя из комнаты, и не явившись даже на утренний кофе к хозяйке дома, мадам Римик. На письменном столе лежала незаконченная книга одного итальянского синьора, который удумал раздробить свою историю на несколько, на первый взгляд, совершенно несвязных между собой частей¹. Дочитать до конца господин Камэ пообещал себе единственно из-за природного упрямства – никакого художественного интереса она для него не представляла. Сейчас же, после такого беспокойного вторжения в его размеренное течение реки жизни, господину Камэ, во что бы то ни стало, захотелось остаться дома, с книжкой в руке, пока он не уснет в кресле, а шея на утро не заболит от неудобного положения.

Он снова задумался. Дотянулся рукой до своей проплешины – как всегда теплой, и воинственно засопел.

Господин Камэ часто дотрагивался до своей макушки, старательно собирая волосы со всей округи, и аккуратно прикладывая их к незащищенному островку своей головы. Тонкими рядами, нитевидные там возлежали длинные волосы, прикрывающие бледную кожу проплешины.

Господин Камэ заходилась сопеть, когда его молчаливая натура искала выход гневу, раздражению или беспокойству. Его большое, немного заплывшее возрастом и калорийной пищей, лицо становилось пунцовым, рыжие усы ощетинились, как еж, а маленькие глаза сверкали черным блеском. В такие мгновенья бывший сержант национальной жандармерии Леон Камэ становился похож на сжатую пружину, которую – отпусти, и выстрелит молниеносно и сильно. Бывший коллега аджудан Вобэр так и вовсе за это называл господина Камэ – Льфон.

И действительно, расшагивая по комнате, как лев в клетке, он вел с собой неслышный диалог, в котором два его Я боролись за принятие окончательного решения.

Первый «Я», несколько одомашненный и весьма теплый, пахнувший вкусными сигарами и коньячными парами, утверждал, что бросаться на немедленные поиски неизвестного отеля, где непонятный человек неконкретно просил помощи – это ужасно утомительно. Господин Камэ устало взглянул на желтоватую рубашку не первой свежести, кое-как развешанную на спинке стула. Всем своим видом она являла собой протест намечавшейся авантюре, и полнотью поддерживала идею первого «Я».

«С другой стороны, вспомни...», хитро шептал ему горячим дыханием второй «Я». Господин Камэ бросил грустный взгляд на календарь и увидел чреватое проблемами число – 28 ноября, которое означало, что за ближайшие двое суток нужно раздобыть денег на оплату ренты жилья. Мадам Римик весьма добра к нему, но злоупотреблять ее терпением, господин Камэ себе никогда не позволял. Чертов голос, обжигающий ухо, напоминал о двойном тарифе, который с наскоку был предложен незнакомцем.

Господин Камэ грузно сел на кровать и достал сигару. В его голове мучительно рождалась решительность.

«Да уж... Дополнительные триста евро... мне совершенно точно не навредили бы. Даже наоборот. Вопрос, конечно, правда ли все это? Он ведь даже не представился... Хм... Ошалелый какой-то... Час за триста. Хотя какая разница? Да и... В конце концов, вдруг дело пустяковое... Скатаюсь на часок, и баста. Тогда возьму Реми Мартан... да и сигары заканчиваются... Ну и Мие можно будет заплатить. Ладно. Какой, говоришь, отель? Со шпилями?»

ОТЕЛЬ «МИ РУА». ВЕЧЕР

Человек по телефону не обманул господина Камэ – отель действительно находился недалеко. Правда, шпилей, по которым должен был ориентироваться впервые прибывающий гость, было не два, вернее не совсем два: один – правый, частично развалился, и теперь крыша отеля была похожа на бойцового пса, купированного на одно ухо.

Внешне отель напоминал детище воспаленной фантазии каталонского гения Гауди², причем зрелого и сформировавшегося, когда маэстро навсегда вышел за пределы эклектической архитектуры. Раздутые колонны помпезно возвышались над овальным крыльцом, с кривыми линиями ступеней, а величественная дверь была причудливо украшена массивными узорами чугуннойковки. Заломившийся набок шпиль, вместе с острыми треугольными мансардами чудовищно напоминали птенцов на крыше знаменитой Каса Мила. Волнистая форма здания, выступая чуть вперед своими балконами в стиле модерн, сохранялась от фундамента до самой крыши – асотеи³. Потому предположить, что это архитектурное чудо, в большей степени похожее на чей-то заброшенный особняк начала XX века, служит ночлегом для заплутавших прохожих и усталых шоферов, было удивительно трудно.

Не менее любопытным было и его расположение. В густых зарослях деревьев – парковых, конских каштанах, за которыми скрывался фасад отеля, причудливую его крышу тем не менее было видно еще с шоссе, при подъезде издали. И еще: никаких огней! Даже если, ночь безлунна, и ничто не зазывает загулявших зевак с их ветренными девицами на укромный приют, отель возвышается своим суровым и холодным видом над одиноким шоссе.

Эта же ночь, напротив, выдалась полнолунной, и господин Камэ внимательно рассмотрел въездные ворота, вылитые из цельного чугуна.

«...приветливо распахнутые, или беспечно оставленные незакрытыми...», подумал про себя господин Камэ, аккуратно направляя свой темно-зеленый фиат к въезду в гостиничный двор.

Проехав полсотни метров в тенистой роще каштанов и высоких кустов, господину Камэ открылась небольшая парковочная площадь перед самим зданием гостиницы. Пустая.

Он заглушил мотор, и огляделся. Ворота позади так и остались распахнутыми, деревья молча стояли в безветренной тишине, а темные окна номеров не предвещали никакого оживления внутри отшельнического строения.

«О, не иначе мое дело будет связано с цыганской свадьбой...» – саркастически усмехнулся господин Камэ, оглядываясь на совершенно пустую парковку и беззвучное приветствие отеля. Видимо, обычно здесь останавливаются на ночлег только такие дальнобойщики, которые не пользуются услугами легкомысленных женщин, так как в такие отрешенные места не захаживают даже их длинные ноги.

Найдя для себя причину, почему об этом отеле он никогда не знал ранее, господин Камэ, кряхтя, с трудом начал выбираться из машины.

Сам будучи мужчиной солидных размеров, он уже добрый десяток лет прибегал к услугам малогабаритного фиата, так широко выпускавшихся в начале девяностых, когда каждый третий французский пешеход брал себе в качестве первых колес именно этот автомобиль. С тех пор уже выросло новое поколение пешеходов и автомобилистов, французы успели пересесть сначала на ситроены и пежо, а потом на британские и немецкие иномарки, но господин Камэ почти все это время оставался верен своим принципам, а потому железного коня на иностранных пришельцев менять не решался.

Звук захлопнутой дверцы в молчаливой мгле отдался троекратным эхом, и одинокий человек на пустой парковке направился к крыльцу. На ходу застегивая воротник несвежей рубашки, выглядывающей из-под толстого вязаного свитера и распахнутой куртки бежевого цвета, господин Камэ, почти бегом, взобрался по ступенькам, волнистые линии которых походили на искаженное отражение в кривом зеркале.

Оказавшись перед холодным железом двери, пахнувшей выцветшей ржавчиной, господин Камэ поймал себя на мысли что, впервые за долгое время, чувствует некоторое профессиональное вдохновение и даже прилив сил.

«Это все от безделья. И не ворчи, Леон, будто не хотел сюда ехать. Ты ведь рад, что еще при делах. Ну так займись же этим отелем! Даже если ты приехал расследовать убийство мыши облезлой кошкой-рецидивисткой. Ты же еще что-то можешь, докажи это»

Господин Камэ воспрянул духом, заставил себя улыбнуться и почти решительно потянулся к дверной ручке...

Внезапно дверь резко отворилась, как будто кто-то предусмотрительно за нею стоял, подсматривая в глазок в ожидании запоздалого гостя. Господин Камэ так и застыл с обескуражено протянутой рукой, как вдруг услышал взволнованный голос, доносившийся из темноты:

– Ну же, входите! Это вы знакомый Мии?

Прихожая была совершенно не освещена, то есть натурально, господин Камэ шагнул во мрак. Рядом он услышал торопливый лязг замков поспешно закрывающейся двери, а уже через секунду какие-то грубые руки бесцеремонно вытолкали его за плечи внутрь здания, еще глубже, в темноту.

Оказавшись в центре вестибюля – мрачного и почти неосвещенного, господин Камэ оглянулся назад, чтобы рассмотреть человека, открывшего ему дверь. Этим человеком оказался невысокий юноша, на вид ему было едва за двадцать. Над его верхней губой чернела полоска идиотских редких усиков. Одет он был в серую кофту, безвкусную униформу, какие носят в колледжах или других заведениях, а также старые домашние брюки с вытянутыми коленями. Странный человек испуганно оглянулся, и поторапливая месть Камэ, прошипел:

– Идемте за мной, нам нужно поговорить. Нечего здесь делать.

И то верно. Внутренность отеля была скудно освещена: единственный заметный источник света шел от настольной лампы одинокой стойки администратора, зато пахло каким-то редким алкоголем, и отовсюду веяло ощущением тесноты.

– Я действительно знакомый мадам Римик, но какое это имеет значе...

– Т-ссс! Пожалуйста, тише! – голос донесся сдавленный, шипящий и даже раздраженный. – Я знаю, кто вы! Я ждал вас, – он протянул руку навстречу господину Камэ, но вместо приветствия и логического представления, он вложил в огромную ладонь приглашенного маленький пружинный фонарик (где такие еще только берутся) – Вы пришли один?

Загадочный юноша прытью оказался у стойки администратора и стал по-хозяйски звенеть ключами.

Господин Камэ задумался.

«В действительности, какая разница, как его зовут – думал он, – Это, надо так полагать, управляющий? Я уже давно ничему не удивляюсь. Почему он так нервничает? По телефону он говорил так спокойно. Вероятно, он выпил. Или даже выпивал. Ну конечно – вот откуда разит дешевым столовым вином! В общем, это не удивительно – заскучать в таком-то месте. И что тут такого, что он выпил? Может скучно стало, а может действительно случилось что. У всех свои странности. Главное, чтобы заплатил».

Господин Камэ, успокоившись, повернулся вокруг, ожидая пока его клиент перестанет возиться со своими делами у стойки. Тесное фойе (в отеле Георга V это могло бы называться вестибюлем) было совершенно темным, и походило больше на прихожую с диваном. Стесненность помещения и отсутствие освещенности, за исключением настольной лампы, намекало на отсутствие гостей в номерах, и, вероятно, унылое ожидание их появления.

Сзади, чуть левее от приемной стойки, находилась приоткрытая дверь из рельефного темного непрозрачного стекла, которая вела на лестницу – на удивление освещенную. Из приоткрытой двери просачивался тонкий луч света, разрезая пол прихожей светлым треугольником с вытянутой вершиной. Лифт, по причине немногэтажности здания, не предусматривался.

По правую руку, замыкая маленький квадрат холла, располагались низенькие креслица, и большой потрепанный диван, покрытый ядовито-красным ситцем перед стеклянным столиком – кажется, единственным предметом роскоши в этом отеле. Взгляд господина Камэ еще успел скользнуть по зашторенным окнам, точь-в-точь как у него дома, и он даже усмехнулся про себя от этого сходства, но голос, вдруг уверенный и спокойный, оторвал его от мыслей и наблюдений:

– Я забыл представиться. Прошу меня за это извинить. Айек. – Молодой человек, оказывается, уже вылез из стойки, закончив свои дела, и теперь стоял перед господином Камэ, протягивая свою руку, маленькую, как у юноши-шахматиста, – Айек Ноел младший.

– Очень приятно, месье...

– Не месье. Я из Теннесси.

– Что?

– Теннесси. Как Томас Уильямс⁴, ха-ха. Кхгм. Простите. Не нужно никаких «месье». Просто Айек.

– Что ж, ладно, Айек...

– Точно... Пройдемте.

Удивительно, как Айек Ноел Младший, проворно вернул себе фонарь, одним ловким движением вынув его из больших рук господина Камэ, а потом всем благочестивым видом и гостеприимным жестом пригласил своего ночного гостя пройти следом по абсолютно темному коридору, ведущему неизвестно куда. Только господин Камэ открыл рот, как Айек предвосхитил его вопрос:

– Будем ориентироваться по свету фонаря. Почему-то света в коридоре нет. Я не электрик, и не разбираюсь, но, кажется флюорисцентная лампа перегорела, а за ней следом вылетели и остальные. Цепное подключение, как в гирлянде. Вы что-нибудь понимаете в электричестве?

Айек задал этот вопрос абсолютно внезапно, и совершенно серьезно, при этом глядя прямо в глаза своему собеседнику, задиристо сверкая серыми зрачками. Господин Камэ на это криво улыбнулся и неубедительно качнул головой.

«Уж не намекает ли он мне лампочки вкрутить?»

Шагая в кромешной тьме, господин Камэ задумался над вопросом, зачем в принципе нужна такая электрическая цепь, где при исключении одного элемента, выходит из строя вся система?

– Разве отсутствие света на мешает гостям отеля?

– Отель пуст.

Вот и весь ответ. Айек говорил ровно, но где-то позади, фоном слышалось волнение. Неопределенность ситуации начала волновать господина Камэ, и тот подумал попросить деньги наперед. Молодое, мальчишеское лицо Айека, и его сутулая фигура лишь усилили сомнения господина Камэ в платежеспособности его клиента, и в темном коридоре послышалось неровное сопение. Спустя несколько шагов тотальной тишины господин Камэ прервал свои риторические размышления перешел в контратаку:

– Скажите, Айек, на какую помощь вы рассчитываете?

– Вам не составит труда ее оказать... Остальное я расскажу вам на месте.

Такой уклончивый ответ господина Камэ не устраивал, ему все больше казалось, что Айек темнит и увиливает от ответа:

– А откуда вы узнали о моей деятельности? Если не секрет, конечно.

– Конечно-конечно. Осторожно, здесь направо... Мне жена о вас рассказывала. Рекомендовала вас как хорошего специалиста. Вы же не только практикующий консультант-психолог, так ведь? Вы, кажется, в прошлом работали в полиции, я прав? Мне жена говорила, что вы настоящий детектив!

– Вот как! А кто, позвольте узнать, ваша супруга?

Внезапно-сладостное удивление господина Камэ заняло все его внимание, вытеснив чувство негодования и раздражения от прогулок по темному коридору обшарпанной гостиницы в компании странного человека, с меняющимся настроением.

Господин Камэ, как подводный охотник на скорпен, выуживал из памяти, всех клиентов кто теоретически мог быть настолько очарован результатами его работы, что выдал бы ему такую замечательную рецензию, еще и выставив его в выгодном свете настоящего детектива!

Господин Камэ даже развернул, чтобы выглядеть еще массивнее, но при этом, по привычке, рассеяно потянулся рукой к лысой макушке.

Действительно, вот уже больше полутора десятка лет господин Камэ зарабатывает на жизнь частными услугами личного консультирования. Окончательно разочаровавшись, что полицейским платят немного, а риск бывает неоправданно высок, господин Камэ перешел на поприще частного детектива, семейного юриста, коллектора, телохранителя и всего остального, что не имело жесткой привязки к названию профессии, зато приносило неплохой доход при свободном графике. Как правило, спектр его консультаций с годами становился шире, и его услуги неуклонно дорожали. Господин Камэ по роду службы часто оказывался вовлеченным во множество семейных передряг, где требовалась его острый взгляд или тяжелая рука, крепкое слово или даже наличие лицензии на ношение огнестрельного оружия. За последние восемь лет он разобрал две дюжины бракоразводных процессов, с почти половинной дележкой имущества (при этом, ухитряясь консультировать одновременно обоих супругов за спиной у друг друга). Также он проследил и зафиксировал более десятка супружеских измен, умело выступая в тени и прибегая к провоцирующим уловкам обеих сторон. Одно время он занимался наследством и юридическим сопровождением дележки имущества между наследниками.

Ввязываться в семейные передряги, и залезать с головой в волканирующий эпицентр чужих отношений, господину Камэ было сродни уколу адреналина – вкус яда, который он сам давно утратил и больше не ощущал.

Он нервно облизнул сухие обветрившиеся губы, вспомнив о «сладком деле Мистрель» и красном спорткаре на трассе E17... Как и сейчас, тогда стояла поздняя осень.

Разгорячившийся в раздумьях, господин Камэ необычно для себя потерял бдительность и, словно в лихорадке, не заметил, что шаги впереди него резко стихли, а уже через мгновение, что-то острое, ворсистое, неприятное, с размаху прилетело ему меж глаз, на секунду вонзилось, и, оттолкнувшись, как на батуте, исчезло впереди, во мгле.

Вместе со сдержанным выкриком господина Камэ, по-старчески заскрежетал ключ в скважине, и через секунду темный коридор озарился желтым прямоугольником света.

– Что с вами, месье? – участливо обернулся на него Айек.

– Разрешите мне пройти в ванную, кажется, я переносицей дверной косяк сшиб...

– Сожалею, месье, но это было мое плечо.

– Вот черт! Пардон... Проходите пока, а я вернусь через минуту.

– Конечно. Я тоже посмотрю что-нибудь холодное в номере.

Господин Камэ зашел в крошечный квадрат ванной и прикрыл дверь. Он остался наедине. Из номера слышались звуки возни и суеты. Это было неважно.

Ванная комната была тесной, но зато светлой. Глаза заново учились реагировать на свет, и господин Камэ почувствовал в них резь. Из полуоткрытых век он осмотрел комнату.

Ванной, как таковой, здесь не было, а на ее месте находился душ, рядом с которой свисала небольшая раковина, и отдельно, в гордом одиночестве располагался фаянсовый трон. Господин Камэ уставился в зеркало, и тяжело выдохнул.

«Ну вот. Мало мне было мешков под глазами, теперь еще и нос разбит, а через минутую другую синие подтеки разойдутся...».

Он открыл воду, и подставил большие руки под струю холодной воды. Окунул в нее лицо, и снова посмотрелся в зеркало.

«Как отвратительно заканчивается эта суббота... А ведь я даже еще не приступил к делу. Теперь еще этот бланш – как чудно. Шарман, просто. Сейчас выйду и точно затребую задаток. Хотя стоп! Я до сих пор не знаю, зачем я здесь!», – промелькнула мысль в голове господина Камэ, прежде чем он обернулся на дверь.

Одновременно, позади, послышались аккуратные шаги, потом какой-то легкий скрежет, потом колыхнулся столб воздуха, а потом все произошло очень быстро.

В дверном проеме ванной стоял Айек Ноел, и хотя у господина Камэ было одно мгновение, и ни секундой больше, он успел с фотографической скоростью заметить изумительное изменение выражения лица своего клиента.

Айек больше не выглядел спокойно-уравновешенным или участливо-тактичным.

Он не был ни взволнован, ни тем более напуган. Нисколько.

Невысокий человек с короткой стрижкой стоял в дверном проеме, и хотя был на две головы ниже господина Камэ и раза в полтора уже в плечах, каким-то непостижимым образом умудрялся смотреть на него сверху вниз. Позже господин Камэ захочет обдумать, как Айеку удалось такое повернуть, но не сейчас, а попозже, потому что сейчас...

Сейчас в его, серых, как теннессийский орех, глазах читалось выражение, с которым когда-то смотрел Поль Гаше⁵, на своего любимого несчастно-больного пациента:

– В этих чертовых номерах нет льда, но зато есть вот это. Увидим, подойдет ли.

И прежде чем господин Камэ успел опомниться и моргнуть в знак солидарности, для него все приостановилось. Время, звуки и изображение. Все ухнуло назад, туда, в темный коридор, где только худенький луч фонарика, или холодные воспоминания о шоссе в 94 году.

Он слышал, но уже не чувствовал, как где-то сзади и сверху, что-то обжигающе-холодное, но сокрушительно сильное, оттолкнуло его висок резко в сторону, причем с такой невероятной силой, что за виском незамедлительно последовала вся голова, которая потянула шею, а за нею, не попевая, на прохладный паркет повалилось все его большое тело.

Письма из Сен-Жэмо

ЭЛИТНЫЙ РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР «СВЯТАЯ ДВОИЦА»

От: госпиталь Сен-Жэмо, ул. Б. Милль Гань, 96

Кому: м. М. Римик. ул. Аль Терна НС, 582.

«Доброго дня, многоуважаемая мадам Римик! Мне сложно выразить то почтение, с которым, от себя лично и от лица всего персонала эксклюзивного реабилитационного центра «Сен-Жэмо», к Вам обращается главный врач сего заведения – доктор Френсис Абирталь. Не примите за лесть мое глубокое очарование Вашей артистической деятельностью, и восторг почитания Ваших талантов, так искусно демонстрируемых на сцене независимого театра «Лицо Евы», коим завсегдаем и давним поклонником я и являюсь.

Однако, с сожалением признаю, что не Ваши прекрасные выступления послужили мне поводом писать Вам, мадам Римик. Ах, увы!

С трепетным волнением, и осознанием всей значимости сложившейся ситуации, равно как и ее деликатности, я заранее прошу Вас отнестись со всей серьезностью к содержанию моего послания. Вместе с тем, я просил бы Вас сохранять ясность мыслей и рассудительное хладнокровия, что существенно облегчило бы нашу участь в разрешении следующего происшествия, которое, по всей вероятности коснулось и вашего настоящего происходящего.

Собственно, дело состоит вот в чем.

В прошлую пятницу, вечером, в наш реабилитационный центр (или если быть совсем точным, тов пункт регистрации помощи) обратился новый клиент. (прим. 1.1 – здесь и далее Пациент №1—5.5). Им оказался молодой человек, приятной наружности, на вид 22—25 лет, среднего роста, с худощавым телосложением, и коротко стриженными пегими волосами. Он (согласно показаниям заведующего отделением и дежурного врача) сам остановился перед воротами нашего центра, и позвонил нам в дверной замок. (прим. 1.2 – Напомню, мадам, что в прошлую пятницу после полудня как раз пустился неистовый ливень, что натолкнуло персонал нашего заведения, в первую очередь, на мысль о поиске кратковременного пристанища в стенах нашей лечебницы, что, увы, для нас перестало быть редкостью, в связи с отдаленностью нашего центра от всей остальной инфраструктуры города).

Однако, прибывший мужчина уверил нас в том, что его намерение полностью осознанно и принято им самостоятельно, а продиктовано в первую очередь желанием провести следующие несколько дней в полном уединении, но как в покое и на довольствии. В связи с этим он попросил нас предоставить ему кров, завтрак в одиннадцать и тотальную тишину в его, как он выразился мастерской, (на самом деле – палате), с большими окнами, выходящими на восток.

(прим. 1.3 – Отмечу, мадам, что реабилитационный центр «Сен-Жэмо» располагает полным обеспечением комфорта и индивидуального размещения, но все же предусматривает непосредственный курс реабилитации посттравматических синдромов, с тщательным наблюдением и контролем динамики выздоровления. Иными словами, наш центр – это не приют для душевнобольных или пансионат престарелых или, упаси Господи, хоспис, как, возможно, могло бы Вам показаться.

Мы занимаемся восстановлением сознания человека после черепно-мозговых травм, тяжелой нарушения работы мозга, посткомозионного синдрома и прочее. Наша работа направлена на выявление и устранением несостыкровок между реальностью окружающей среды и внутренним состоянием клиента, а наш процесс реабилитации основан на методике

полнейшей балансировки двух миров и безмятежности перехода от одного к другому. Такой метод обретения спокойствия весьма популярен в наш век стремительного растворения себя в суетливой реальности, а потому, смею заметить, к нам нередко обращаются представители высшей касты культуры, спорта и даже власти).

Разумеется, следуя политике конфиденциальности нашего заведения, мы не имеем права разглашать имя, которым представился Пациент №1—5.5, однако, с его слов нам стало известно, что он приходится Вам, мадам Римик, законным супругом.

Именно в этом моменте, я полагаю, мне удалось Вам объяснить всю суть моего стремления обратиться к Вам, хотя (и я вам позже объясню почему) я и не должен бы этого делать.

Ниже я приведу более подробное описание внешности Пациента №1—5.5.

Первым делом, он попросил ни при каких обстоятельствах не тревожить Вас во время ваших гастролей, и вообще всячески держать Вас в неведении о причинах его пребывания в нашем центре. Сожалею, что мне не удалось выполнить его поручение, но со своей стороны, я заверю вас, что буду оправдан несколькими абзацами ниже.

Одет он был в новый, но полностью выпачканный и насквозь промокший свитер, грубой вязки из темной верблюжьей шерсти, какую раньше носили местные индийские эмигранты. На ногах – синие джинсы с клешем, и грубые ботинки, с налипшей на подошве грязью. Удивительно: мы отчетливо разобрали следы желтой глины, обильно налипшей на его ботинки, которую едва ли сыскать в нашей округе, если не представить, что Пациент №1—5.5 (с Вашего позволения, я буду пока называть его так) не добирался к нам через леса и болота.

Верхней одежды, несмотря на поздний ноябрь, на нем не было, равно как и головного убора.

Заметно, что обе кисти рук выпачканы в свинцовые краски.

Уши розовые, слегка оттопыренные. Брови густые, узко посаженные. Губы полные. Подбородок скошенный, скулы низкие. Глаза серые, с голубым оттенком.

При себе у него был действительный страховой полис, однако, его паспорт, как он утверждает, вы по ошибке забрали с собой в поездку, что затруднило возможность идентифицировать его личность.

Кроме того, мы обнаружили у него художественные принадлежности: кисточки разных размеров, из качественных белковых волос. На наше предложение оставить их на хранение у нас, пациент ответил категоричным отказом, и высказал встречную просьбу обеспечить его холстом, грунтовкой и масляными красками.

Помимо отдельной палаты, с видом на каютаны и фонарь, Пациент №1—5.5 сообщил нам о приступах головной боли, сонливости и головокружениях. Со слов Пациента №1—5.5 никаких последствий черепно-мозговых травм он не испытывал, а его появление в наших стенах, продиктовано его стремлением работать над картиной.

В виду вышеизложенного, я просил бы Вас, мадам, подтвердить или опровергнуть поступившую информацию. К сожалению, мы не смогли связаться с Вашим театральным пресс-аташе, поэтому вынуждены выслать сверхсрочным. В случае подтверждения данных, я бы также желал иметь фотокопию паспорта или свидетельства о браке с Пациентом №1—5.5. Прошу понять мою бестактность, продиктованную законами бюрократии.

В случае, если информация подтвердится, мы обязательно предоставим Пациенту №1—5.5 полную свободу действий, сохраняя его анонимность. В противном случае (чего я бы не желал) я буду вынужден принести Вам свои извинения за беспокойство, и мы сделаем запрос в клиники города на предмет пережитых травм мозга головы.

Главное, в чем я хотел бы заверить Вас, мадам – будьте спокойны – в стенах нашего центра, состоянию его здоровья ничего не угрожает, и ваш предполагаемый супруг обеспечен всем, что необходимо для его умиротворенного самочувствия.

Пациент №1—5.5 помещен под индивидуальное наблюдение в личную палату, в соответствии со своими пожеланиями. Комплексный рацион включает в себя наличие белков и аминокислот, в нужных пропорциях, для поддержания его иммунной системы в состоянии неотягощенного насыщения. Просьба с художественными принадлежностями удовлетворена, несмотря на то, что Пациент №1—5.5 пожаловался на недостаточные размеры холста и ранний заход солнца, он выглядит достаточно уверенно, и, кажется, полностью сосредоточен на работе над своим произведением.

На этом месте, я позволю себе вернуться к сути моего письма. Смотрящий врач Пациента №1—5.5, брат Лирой, безрезультатно пытался вам дозвониться с вечера пятницы, так как, по сообщению самого Пациента №1—5.5 Ваш домашний телефон – единственный, который он помнит наизусть. Контакты других близких родственников или знакомых он не смог привести.

Принимая со своей стороны во внимание разъездной характер Вашей работы, мадам, я прошу Вас, по возможности, в самом скором времени подтвердить достоверность приведенной информации, и, заверяю Вас, при любом исходе, Ваше славное имя не будет фигурировать ни в период пребывания Пациента №1—5.5 в стенах нашего центра, ни после.

Прошу еще раз принять мои сожаления по поводу моих перепроверок и сопоставлений, вызванных совершенным незнанием подробностей Вашей личной жизни, равно как и невозможность доподлинно доказать родственную связь Пациента №1—5.5 с Вами, особенно учитывая разницу в ваших фамилиях, и прошу прощения, мадам Римик, в возрасте.

В виду вышеизложенного, я искренне приношу Вам раскаяния в своей бестактности, однако, надеюсь, что Вы великодушно сбережете мою врачебную репутацию, и не выкажете моего обращения к Вам, как бы эта история не развернулась.

С глубочайшим уважением,
Сердечно Ваш, д-р. Абирталь.
19.XI.2002»

Сеансы д-ра Абиртала

К.№1—5.3. №1. 20.XI.2002

– (звук фонографа) ... Слышишь, *pélo*, это что, камера? Что за звук? Ты что, пишешь меня? Эй, *tire-toi!* Отвали, говорю! *Fiche-moi la paix!*

– ...

– «Можно начинать»? Что «можно начинать»? Ты это мне говоришь? С чего бы это мне?

...

– ...

– Э-э-эй! Полегче, дядя, скажи своим орлам, пусть уберут руки! А ну, ублюдки, отошли от меня! *Vous vous prenez pour qui?*

– ...

– *D'ass.* Меня зовут Эйкг... Эйкг! Эйкг, говорю! Ты глухой? Эй-к-гем. Эйкгем Ламоне. Э-э, да убери ты эту камеру! Зачем тебе это? ... Что? Лет? Двадцать девять.

– ...

– Что продолжать? Что еще?

– ...

– А-а, работаю... *Je bosse* в отеле, называется «Ми Руа». Слыхал, папаша, о таком? Это чуть за городом, там... южнее улицы Наций, после перекрестка с... этой, как ее... улицей Имаж... Вот-вот! Что еще. Не женат, так что пока *je rompe le fric* для себя одного. Не судим, так... привлекался по мелочи. За разбой. Так что вот так.

– ...

– Еще не все? А что?

– ...

– А, это... Нет, нет никого. Я из далека. Сам снимаю, недалеко тут, студию... Как раз возле Мии – переехал недавно... Четыреста в месяц.

– ...

– Четыреста. Че-ты-ри-сы-та. Ты глухой – точно, папаша. *C'est trop chiant.*

– ...

– А, это? Мой акцент... *Eiu sò corsu* — я корсиканец. У нас все так разговаривают. Мать моя оттуда родом, и я тоже! Ну что, все узнал?

– ...

– *Ah, merde...* Да ты кто есть, что бы меня допрашивать – где родился, где живу, где работаю? Это ты кто такой, эй? Ты на кого работаешь, отец? На черную комнату? Королевский секрет? На второе бюро?

– ...

– Что?! Да, *je m'en fous!* *Moi*, я никого не боюсь, и скрывать мне нечего! Просто меня слегка ломает – на каком основании меня сюда приволокли? За что? Где я, По какому праву меня допрашивают? Я задержан? Мне нужно позвонить! Дайте мне какой-нибудь *grelot!* Что за заведение, где нет телефона!

– ...

– Какой личности, какой протокол?! Что происходит вообще здесь? *Je n'y entrave que dal!* А для кого он, этот твой протокол? Кто тогда ты, и кто все эти *salopards*, которые меня сюда приволокли?

– ...

– Что за «Сен-Жэмо»? Мне это ни о чем не говорит! Не знаю я никакого Абиртала, передай ему пусть катится в...А, нет! *Allez-vous faire foutre*, все вместе с этим вашим заведением,

чем бы оно ни было, и этими вашими *imbeciles emmerdants*, и особенно тобой – старый, мерзкий, глухой *ripou!*

– ...

– Ах так? Уходишь? А ну, скажи им отпустить меня! Стой, ты, *fils de garce!* Я передумал, давай поговорим! Как долго это будет продолжаться? Сколько мне тут? Пока этот твой Абирталь не придет? А ты кто такой? Кто вы все? Где я? *Punaise!* Стой, не уходи! Вернись! Чем вы тут все занимаетесь? Где мои вещи? Я хочу позвонить! Дай мне позвонить адвокату! Нет, я хочу позвонить Мие! Стой, останься, ты... Я хочу курить, немедленно! Слышишь, эй ты, *salaud!* Ушел? Ну и вали! *Ah, putain...*

К.№1—5.3 №1, продолжение. 20.XI.2002

– О, вернулся! Наконец-то, я уж думал, не придешь. Я как раз просил их тебя вызвать назад. Ты это... папаша, извини, что я так, это... В сердцах я. Давай свои вопросы, и не обессудь, ладно? Подождем твоего Абирталя здесь вместе. А *une clope* у тебя можно попросить? И зажигалку. Ох, *cimer bien!* Вот так... А пепельница? Нету? Что же, я тогда прямо на стол.

– ...

– Да, теперь все в порядке. Ну так, что там? *Je t'esgourde.* Давай сюда свои вопросы.

– ...

– Рассказать про детство? А что тут рассказывать? Детство, как у всех там. Ну или почти... Я же говорил, мать родом из Феличчето, отец из Корка – настоящий айриш. *Un vrai alcool c'est à dire.* Я его, правда, совсем не помню – он от нас благополучно смылся, когда я под стол ходил. Нас было трое: мама и мы с Льюу. Льюу, Флорин – это сестра моя. Жили в маленькой *piaule*, с кабиллами. Всегда шумно было, а со стола можно было *riquer* немного арака или коньяка. Сам понимаешь, жить среди таких же *racailles* что и ты сам, да еще и на Корсике... Мать сама нас ставила на ноги. Ну а мы, что? Мы помогали, как могли. Я, например *avec mes srabs*, ну то есть, с братишками лет с четырнадцати вкалывал, чтобы обеспечивать семью. Автомехаником. Мы дерибанили все *bagnoles* в округе Фелличето. Я сам колеса откручивал...

– ...

– Мать? Да вот от нее и доставалось, как раз. Она у меня математичка была. Не могла смириться, что у нее сын *un con achevé.* Говорила, что я в отца всем пошел. Ну она там рассказывала о всех этих линиях, спиралях и прочем вместо сказки на ночь, сначала Льюу, потом мне. До сих пор помню про какую-то спираль Архимеда, а еще Ферма и Фибоначчи...

Не могу сказать, что мы ладили. Мне, правда, многое прощалось... (или не высказывалось в глаза). Я ведь приносил в дом *fafiots*, и это главное. Заколачивать бабосики – это главный урок детства. А там – хоть я как дубовая пробка – все списывать на гены можно... Нет, не близки. Мы как-то особо и не разговаривали – некогда было. Мне пришлось очень быстро стать настоящим мужчиной, повзрослеть. Отвечать за свои поступки. За слова. Это куда важнее всяких золотых сечений на спине моллюска, о чем рассказывала маман. Это... дай еще одну?

– ...

– Нос?...Ой, хорошо, ты гляди, ядреный начин какой а... Нос, это отдельная история, *rebectuer.* Хочешь послушать? Мне было лет десять, Льюу, значит, ну сколько... восемнадцать, что ли? Ну да, точно. Ну вот, мы работали как-то летом, на празднике, у нас на Корсике. Продавали мед на ярмарке в Порто-Веккьо. Праздник перешел в разгул, и прохожие, само собой, изрядно насосались. К нам подошли двое: по выговору – парижские бобо. Я тогда сразу смекнул, что они начнут катить свои шары к моей сестре. Мы конечно могли свернуться и уйти, ведь уже было поздно, но мы подумали, что если мы больше продадим меду, больше наварим с него *affure.* В нас победила нужда, которая мне стоила носа, а Льюу – изорванного платья и синяков на запястьях... Короче, они подошли вплотную. Так, что нас не видели окружающие,

и фактически мы стали вокруг нашего импровизированного прилавка: мы с сестрой в одной стороне, эти двое с другой. Я помню, он спросил: «4,5 евро – это вместе с утренним *pipe* или только за ночь? – я увидел, как это гад достал толстый кошель, я до сих пор помню этот запах пота его *cule*, задницы, то есть, и дешевой кожи. Такого толстого кошелька я не помню с тех пор в своей жизни – сколько ты хочешь за вечер, пчелка? Потрудишься ради меня и Патрика?». И, ублюдок, тянет руку к ее *nichons*. Она его по руке, та и повисла. А потом второй: «даю по две пятерки за каждую, отпусти сосунка домой с его сладостями». Лью выкрикнула что-то, не помню что, но по идее, оно должно было привлечь народ, но куда там. Чертовы туристы! Никто не вступился. Я смотрю, а этот второй, чертов Патрик, уже успел оказаться сзади и тычет свою желтую... *bobèche* – рожу, значит, прямо ей в губы, перекрывая ей крик!

– ...

– А что я... *J'ai pigné* стеклянный бутыль, хороший – трехлитровый, с июньским разливом, и сколько хватало сил, вложил его прямо в рожу этому кобелю. Он повалился, просто прямо, как столбик. Намертво. И я успел запомнить красные разводы на его *tétère*. Я хотел повернуться к сестре, оттянуть этого уroda, но не успел – дальше только темнота и вкус крови на губах. Когда я очнулся, я был уже дома, с перебинтованным лицом. Лью все сделала сама – она толкнула наш прилавок на него, и, как она сказала, пинала его ногами, пока он шевелился. Она еще и обчистить их успела. Мать тогда удивилась, что мы столько на меде смогли поднять, а мы ничего ей не говорили. Поклялись молчать, а мой кривой нос списали на падение с велосипеда.

– ...

– Не знаю что с ним, правда. Мы старались об этом не вспоминать, так что я не спрашивал у нее. Все возможно. Я часто вижу этот окровавленный череп... Но в любом случае, они были просто подонки. Малой пацан и беззащитная *gosseline*... Уроды!

– ...

– Нет, куда там! Нас это вообще никак не сблизило. Даже наоборот. Мы и так редко ладили, а после случившегося совсем общаться перестали.

– ...

– Да, когда мне стукнуло пятнадцать, я понял что врачом не стану. У нас в семье считалось, что врач – это престижно. Вот, папаша, скажи мне как доктор – это круто быть врачом? Ты же не обиделся что я тебя ребектором назвал? Ну вот и я о том же. Пошел в мойщики машин – драил французские фиаты, а со временем и немецкие кары. Через два с половиной года меня повысили до механика. Как раз вы, французы пересели на британцев. Подвезло. Я неплохо поднаторел и стал крутым спецом, прямо как хирург, только для машин. Стал возвращать к жизни груды металла, это почти как и людей, только проще. Металл жалче, поэтому получается лучше. Откладывать начал, собирать понемногу. Но это уже потом все, а поначалу, я себе и чипсов купить не мог, а первый свой матч Аяччо-Бастия я увидел только, когда мне было семнадцать!

– ...

– «Ми Руа»? Да, этот отель мой. Решил что деньги вложить лучше в недвижимость. Да и он сам стоил смехотворные *grisbi*. Там, кстати, больничка какая-то была, что-то типа пансионата – так что я еще раз вернулся к истокам – вроде как намекает кто-то про работу доктором. Только с опозданием. Как по спирали, о которой мне маман рассказывала – все крутишься возле одной точки, просто каждый раз на больший круг заходишь. А здание... я просто выкупил его и переделал под себя – его уже за бесценку отдавали. Красивое. Пустое. Мамин Витрувий такому обзавидовался бы. Я сначала и не думал о гостинице – хотел клуб открыть – с баром, казино и приватными услугами, типа борделя, а потом решил, что выгоднее совместить все в одном месте – так и получился отель. И бар есть, и *blackjack* где раскинуть, и в *piquet* сыграть. *Gonzesses*, ты имеешь в виду? Да, девочки у меня свои тоже водятся. Заполняемость невысока,

но я беру дешевизной цен. Я там сам себе голова. Название тоже само пришло: Ми Руа что значит дословно? Полукороль. Это я отстебал эти их отели Ритц, Плазы, Бурдж Аль Арабов и прочие. Они же сплошь для королей, все королевские! Ну а мой значит для полузнати! Я решил, что водителям грузовиков, у которых шпага наготове, будет весело вспоминать, как они нашампуривали девиц в моем отеле с таким пафосно-самокритичным названием. Это все дело вкуса и личного восприятия. Фантазии, например. Вот у тебя, доктор, есть фантазия? ... Нет. Как ты считаешь, разве я имел право обыграть названия улиц? Улица Имаж и улица Насьон? Улица Имаж и Насьон – га-га, это же *charade farfelue* – Имажинасьон – воображение, так? Ну разве это не чудесно? А ты мне говоришь: «фантазии нет». Ваш «Сен-Жэмо» тоже ведь значит что-то? Неспроста, близнецы же, так? Эй, док, я с тобой разговариваю!

– ...

– Нет-нет, никому уже никакого дела не было до моего отеля. Я остался один. Уже почти восемь лет. Такое случается... Все нормально.

– ...

– Да. И мать, и сестра. Все они...

– ...

– Ну, я же говорил, что остался один. Лью разбила на мотоцикле. Хороший был мотайка – Харлей Лоурайдер, 92-го года... Да уж. Дерьмовая история. Да и что тут расскажешь? Давно это было... Сколько? Ну, лет восемь назад. Получается так, да? Примерно... Ей как раз двадцать один год исполнился, и тогда она в официанткой подрабатывала. В *bouiboui* одном. Ну, типа забегаловки придорожной. Вообще, скажу тебе что вся эта суэта загородная она ни к чему вообще хорошему не приводит – это как, ну... вышвереныши. Всякий сброд там. Я тебе по своему отелю могу тоже самое сказать. Ну, знаешь, в таких забегаловках, только байкеры, дальнобой и мудаки собираются. Вот она себе как раз минабля этого на мотоцикле и приклеила. Я сам случайно узнал – она ведь нам с матерью и не говорила ничего... Так, только, если подслушать удавалось.

– ...

– Да, а что рассказывать? Гуляли они там себе, что еще! Он ее часто на байке возил. Сам он фламандец, по-моему. Был. Короче из Бельгии вроде. Это же в Бельгии, да, или я что-то путаю? Ну и однажды он их просто уронил. Погода дрянь была – как сейчас прямо. Осень, гнило, слякоть. Вот они с мокрого шоссе и слетели, прямо в кювет. Мотоцикл напололам, а они в разные стороны. Собирали их по кусочкам. Да еще и не сразу кинулись, а когда спохватились, уже они пролежали там несколько часов, под дождем. Лью, так та еще и без шлема была. Ну хорошо, что она хоть сразу... Не мучалась. А этот выжил, целый час кости ног по траве и кустам собирал, а потом тоже *clampsé*, видимо, от потери крови.

– ...

– Нет, нам сказали только через два дня. От подруг узнали. Мать поседела на глазах. Я помню, что хотел к ней подойти и обнять, но потом в глаза ее взглянул и прочитал: " ну почему это не мог быть ты, Эйх Почему моя дочь? ». И не стал.

– ...

– Нет, не подошел. Она права ведь. Лью могла выбиться в люди, она красива была. Правда. *Prix de Diane*. Даже хоть за этого фламандца. Я ей так и не успел сказать, что гордился своей сестрой. Может, ей было бы приятно. А потом, еще и мать... Я столько раз хотел с ней заговорить. Дать ей высказаться, спросить чем я могу помочь, в чем виноват? В том ли что я сын своего отца? В том что не понимаю ее золотых сечений и Пифагора⁵? Мы и на кладбище стояли молча. Каждый о своем молчал. Я боялся ей в глаза взглянуть – там все стоял этот вопрос, каждый раз когда она смотрела на меня: почему Господь забрал ее дочь, а не сына. Не меня. Я это потом понял... что нет. Что мне нужно было ее взять за руку, наоборот. А слезы в глазах означают ее страх. Что нас теперь только двое. А я думал о себе. Я снова, как и с Лью,

подумал о себе. Я не взял. Я промолчал. Я принес себя в жертву. Этим все и закончилось. Она сгорела через три недели. Сердце не выдержало, и на нервной почве ее не стало. Так я лишился двух самых близких женщин. За такой короткий промежуток времени сразу двух. Сразу. Представляешь? Раз – и нет. А я даже ничего сделать не успел, и даже рта не открыл. Были – и нет их.

– ...

– Я в порядке... А еще много вопросов осталось? Мне бы выпить. Есть чего?

Окружение м. Римик

Суббота. Вечер. Отель

– Ну куда ты, стой!

Мужчина рывком встает с широкой кровати и подходит к окну. Он раздвигает тяжелые шторы, и, распахнув дверь, выходит на балкон. Где-то внизу в синей дымке спит город.

– Что-то не так?

Мужчина молчит, и скрещивает руки на груди. Госпожа Римик разочаровано откидывается на подушку и тянется к столику за тоненькой сигаретой.

– Отойди от окна хотя бы. Простудишься.

– Не простужусь...

Наконец мужчина отвечает. Луна висит, как сочный плод, особенно близко, кажется можно протянуть руку и сорвать с неба. Мужчина думает об этом, смотрит на нее.

– Тебя, между прочим, видно аж за площадью Близнецов!

– *Je m'en torche!*

Госпожа Римик улыбается, и встает с кровати. Босиком ступает по холодному паркету, шлепает несколько мгновений и застывает рядом.

– Ну, тогда я тоже хочу. Подвинься.

Они стоят вместе, в дверном проеме, абсолютно голые. Курят по очереди тонкую сигарету госпожи Римик и молчат каждый о своем. Мужчина смотрит на луну в небе, женщина на город, что внизу.

– Тебе что, нравится луна?

– Не особо...

– А я? Я нравлюсь?

– Годится.

Он снова замолкает. Она, дразнясь, пускает на него клубы дыма прямо в лицо. В синем отблеске его профиль похож на Мопассана, только без усов. И то счастье: усы без бороды – маяк дьявола для кораблей в шторме.

– Почему ты со мной почти не говоришь? Позвал и молчишь?

– Тебе что, стихи прочитать? Я не умею, сама знаешь.

– А что умеешь?

Она устало закрывает глаза, и гасит сигарету о балконные перила. Темно-рыжая, почти черная прядь волос ниспадает на глаза. Через время он, перевесившись, сплевывает вниз.

– Сможешь в ту же самую точку попасть? *Cap ou pas cap?*

Он плюет снова. Затем еще, и еще пока слюны совсем не остается.

– Теперь ты.

– Нет, не буду. Это отвратительно.

– Попробуй в луну тогда? В нее легко попасть. Смотри, какая огромная.

Он отхаркивается, основательно, с разгоном. Закидывает тело назад, старательно прицеливаясь и собирая слюну со всей носоглотки так, что во рту ощущается солоноватый привкус.

– Перестань, это мерзко.

Он плюет очень далеко. С выдохом плевков устремляется вверх и пропадает на фоне яркой лунной лампы. Она демонстративно хлопает в ладоши.

– Какой молодец!

– Запомнила где? Теперь, смотри, в ту же точку.

Он изрыгает из себя противную секрецию и направляет ее в ночное светило. Обессиленный, он довольно наблюдает.

– Ну как?

– Здорово... Только, как ты ни меть в луну, а все равно останешься лишь мокрым местом на асфальте.

– Пф, ну вот еще!

– Вот увидишь!

– Ты не веришь мне?

– Верю, любимый, верю.

Она повторяет «верю», и опускает взгляд вниз. Возникает пауза на несколько мгновений. Вдруг, он взбирается на перила и ловко балансирует над пропастью, держась рукой за козырек.

– Ты что, спятил? Слезай немедленно!

– Хочешь, для тебя луну сниму?

– Слезай, это не смешно!

– Нет, это очень весело, Мия! Я могу достать до неба рукой, а весь город будет разглядывать *ton rorail*.

– Это действительно увлекательно. Прошу слезай, ты сорвешься.

Она стоит чуть позади, боясь приблизиться. Мужчина куражится.

– Ты не веришь мне, Мия. Я могу еще дальше, еще больше. Смотри, я всемогущий!

– Ты отморозишь себе всемогущество, умоляю слезай!

– Нет, Мия, ты не понимаешь. Это – переполняемое чувство своего превосходства. Я чувствую себя Богом.

– Эмпедокл тоже себя Богом чувствовал, и как он закончил^б? Слезай, прошу тебя. Ветер подымается.

– Нет, это я тебя прошу. Выходи за меня, Мия.

– Что?

Женщина первое время не находит слов, и молча хлопает глазами. Мужчина наверху демонстративно начинает расхаживать по карнизу, расставив руки, как канатоходец.

– Будь моей женой, Мия!

– Ты там себе мозги отморозил? Точно спятил...

– С тобой – это как по краю пропасти. Ты удивительная женщина, Мия. Выходи за меня, не пожалеешь. А что, часто тебе мужчины предложение делают, рискуя своей жизнью на краю?

– Нет, ты один такой псих. Слезь, пожалуйста, мне страшно!

– Не слезу, пока ты не скажешь «да».

– Ну какой ты кретин! О, Господи, да конечно! Да! Да! Да! Да! Да!

Теперь он спрыгивает вниз, весь дрожа от холода и воодушевления. Она целует его, а он выкрикивает в тишину города возгласы счастья и эйфории.

– Я чувствовал себя богом, Мия. Только рядом с тобой, только когда ты рядом, я всемогущ! *Un omnipotent!* А ты – моя богиня. Мы с тобой Боги.

– Если и так, то ты – бог безумия. (Целует его) Смотри, как луна близко. А ты в нее плевал...

– Ладно, прости.

– Подари мне ее.

– Луну?

– Да... Раз любишь меня.

– Да раз плюнуть.

Луна слышит это и обиженно прячется за облако, чтобы не видеть, как обнаженный мужчина вновь вскарабкивается наверх, по карнизу.

E17. 1994. Мотель близ Невиль-ан-Феррен

– Чертов урод, попробуй только сунься еще!

- Хватит, Мия, садись уже... В машину!
- погоди, я вот только сейчас проломлю ему башку! Ну же, пусти меня! Симо-о-о-н!
- Перестань, прошу тебя, ты перебрала. Садись! Поедем назад.
- Он козел! Симон – ты сволочь, знай это! Кретин!
- Вот так. Полегчало? А я тебе это еще раньше говорила, ты же меня не слушала...
- Давай ему его гребанную тарантайку разобьем!
- Стой, причем тут его машина? Она же тебе нравилась!
- Вот именно поэтому!
- Стой, Мия, вернись. Куда ты? Все, садись, говорят! Я поведу.
- Почему ты? Ты тоже пьяна. Нас обеих посадят. Дай, я въеду перееду его жирные ляжки!
- Как ты могла так напиться? Я же, в отличие от тебя, меру знаю. Главное из города выехать, а там на дороге сейчас никого. Только олени...
- Олени, как этот урод! Скотина-а-а! Ненавижу-у-у!
- Вот-вот, покричи, тебе полегчает.
- Мне полегчает, когда я поцарапаю ему капот, как и его наглуую рожу! Урод! Кретин!
- А-а! Смотри, все ногти сломала!
- Ты все правильно сделала. Молодец. А теперь поспи. Успокойся.
- Но мы же сюда вернемся?
- Не уверена, что это хорошая идея, после того, как ты плеснула ему в лицо коньяк, и плюнула на капот.
- Он лез ко мне под платье, Лора!
- Ты красивая девушка, и ты ему нравишься. Как и он тебе.
- Больше нет! Все парни – дерьмо. Быть парнем дерьмово.
- Быть парнем отстойно! Так их.
- Все они ублюдки. Ужас...
- Мужчин нужно держать в ежовых рукавицах.
- Особенно их причандалы. Ха-ха-ха!!! Дай-ка, я... Кре-е-ти-и-ин!
- Мия, это очень остроумно. Молодец. А теперь закрой окно, во-первых, дует и дождь в салоне уже, а во-вторых, Сим тебя все равно не услышит – мы далеко отъехали. Вернись, говорю, в салон, мы возвращаемся домой. Но это в последний раз, больше я за тобой не поеду. Имей в виду, пожалуйста.
- Да ты что! Никогда больше! Да лучше я сдохну, чем с ним! Да, я выцарапаю ему глаза, если он только еще раз попробует приблизиться! Запомни, что я говорю! Я больше никогда с ним не поеду!
- Ты сама виновата. Нечего было к нему на шею лезть! Что хотела, то и получила.
- Это я лезла? Нет, серьезно? Я лезла на шею? Ну, ты вообще... Вообще!... Ты...
- Я не права? Ты же сама с ним поехала!
- Я же не знала, что он такой козел!
- Посмотрим, как ты запоешь, когда он зайдет за тобой в следующий четверг.
- Вот и посмотрим!
- Ты что обиделась?
- Нет, конечно! Ты же всего лишь предала меня и, наверное, хотела, чтобы он меня изнасиловал! Ты же должна быть на моей стороне, так? Ты моя лучшая подруга, Ло!
- Поэтому я тебе по-дружески и говорю, ты сама виновата. Ты же флиртовала с ним, разве нет?
- Так! Все! Я больше не хочу с тобой говорить. Включай лучше радио.
- Ну. разумеется...
- Что тут у нас?... О, черт, одно дерьмо!... Нет, не это... Так, стоп! О, вот это! Круто! Сейчас все пройдет, и этот кретин забудется! Давай петь со мной! Я открою окно!

- Господи, какой ужас! Что это? Переключи.
- Это Дэниэл Джонстон – настоящий псих. Песня «Сумасшедший кошмар». Его новый альбом такой отпад!⁷
- По-моему, это отвратительно. Не хочу психа.
- А мне нравится! Включай на полную! Я буду пе-е-е-ть! *«У-а-а-а, какой ты кретин, пошел, ты урод, у-а-а-о!»*
- Господи, Мия, хватит! Мои уши! Перестань!
- Нет, я буду петь! Петь и танцевать! *«Уа-а-уа-уа»*.
- Мия, убери руки. Ты пьяна. Я ничего не вижу...
- *«...не грусти, помни будущего еще нет...»*
- Мия, перестань, прошу, ты мне мешаешь.
- Я хочу петь! *«все-е-е, что ты скажешь, однажды станет явью-ю-ю»*.
- Нет, стой, осторожно, стой!
- *«Кошма-а-ар»...*
- Мия!!!
- Ло!!!!

Записки Айека Ноела

Запись 8

Ох, Дьявол, он...
Красный, огромен он, тяжек.
Тяжко как – груз неподъемен,
Как камень на шее, увесист,
Как память из прошлого, мрачен.
И мы с ним также неразделимы:
И следы за нами по полу,
Змеею кривой извиваются,
Витками спиральными множатся,
Как следы из мокрого прошлого.
Так же две полосы, так же линии:
Рядом идут,
параллельные.
И все так же сил моих не на то,
Чтобы нас спасти, и всех вызволить,
Также рвутся мои сухожилия,
И лишь руки слабеют и падают...

«Зачем тогда ты это сделал?»

Зачем тогда я это *сделал*?
Затем, что не *сделал тогда*.
Затем, что теперь я бесстрашен.
Я один на один, между Дьяволов
Один из них, черный, высокий
На ястреба схож, корсиканского⁸
А другой на вола, страшно-рогатого⁹
Упитанного, грязного, сытого.
Один топчет траву,
и копытом бьет,
фыркает,
А другой, застыв, готов кинуться,
И глаза повывлевать – выкогтить.

«Как позволил ты этому стать?»

Я до этого вечера ужинал страхами,
На столе возлежавших обеденном.
Я до вечера этого сновидничал,
Заплетенный в паутину времени,
Где сплелись боль своей незащитности,
Невозможности быть кому-то спасением,
Неизбежности,
предрешенности,
Память прошлого тянется змеями.
Обвивают колени мне, скользкие
Уползают сквозь пальцы, тревожные,

И меня крепко держат, и властвуют,
И дыхания нет, и спокойствия,
Только пить мне бокал сожаления,
И вкушать горечь невозвратимости...
Так я думал неделями вечными,
Но потом, мне она написала!
Вдруг однажды она написала,
Что вернулась моя Мия ко мне,
И что снова она любит, как прежде,
Так же любит, когда были мы вместе!
Так же любит, читаю, меня!
И тогда, я стал всемогущим,
Я почувствовал себя снова нужным,
И мудрым, и сильным, и ловким
Словно ветер, что тучи разгонит,
И лесом, что ветра остановит,
И морем, что леса разделяет,
И воздухом, что море волнует,
Я подую, и страха не будет.
Ветер катит волны забвенья,
Так воздухом ей стану нужным —
У моря памяти ведь не бывает.

«Поэтому, ты теперь рядом»

«...я рядом...»
Я – есть, и меня словно нету!
Я тень,
я ночь,
отраженье.
Ее в себе отраженье...
Я воздух, который невидим,
Я воздух, которым все дышат.
Я то, чем дышит она.
Я речи ее, выраженья.
Я счастье ее, я – спасенье.
Я умру, лишь бы она была...

«Ты сделаешь так, милый Айчи...»

Запись 7

Здесь третий!
Он рыщет, как волк по пустыне,
Он ищет, как вол травы в полынье.
Он точно, как скальный отломок,
Его неизвестность лишь манит,
А страхов не ведает он.
Но раз уж он здесь появился,
То значит, он Миин поклонник,
И кто он ей? Старый любовник?
Он старше и скучен, угрюмый,
Его глаза выцвели с горя,

Которое он топит в стаканах.
Паутина морщин на висках его,
Значит только, что он тоже страдал.
Но раз уж он здесь появился,
То, значит, готов снова страдать!

«Что задумал ты, храбрый лев мой?»

Победить его.
Выиграть схватку.
Пусть ценой его жизни – не страшно.
Одной смертью здесь станет больше.
Мы собрались под одной крышей,
Мы стоим все на пересечении.
Я стою, Мия, стоят эти двое.
Каждый шел своею дорогой,
Каждый следовал своим путем,
Только кто-то шел вниз, по орбите,
А кто-то, как я, подымался.
И сошлись точно в центре, в распутье.
Не пройти, не задевши друг друга.
Мне придется...
Не вижу в этом плохого.
Мне некогда сомневаться,
Мне некогда думать над этим.
Я вижу ее близко – два шага.
Я просто делаю так, как...
Я делаю, как мне велела...
Как Мия просила меня.

«О чем вы с ней говорили?»

«Сколько сможешь страдать от любви ты?
Сколько сможешь отдать для любви ты?»
Сколько можем мы отдать за любовь мы?
Продаем ли тела, или сердце?
Или больше – свободу и время?
Время жизни, воплощения, кармы?
Умножаемся, разделяясь попарно.
На алтарь приносим стремленья,
Желания, цель, убежденья,
Идеи, и планы, и мысли,
Религию, принципы, силы,
Здоровье, личное счастье,
Себя нахождение в мире,
Отсекая все, в чьей мы власти?
Во власти своих ощущений,
Приятных, любовных мгновений,
Влекумы так химией света,
Что видим в любимых глазах.
О нет! Любовь – это мука!
Это себя преодоление.

Это подъем, восхождение
По гладкой дороге, и скользкой,
По серпантину горному, склонам,
По извилистым чащам и дебрям,
Где хвоя впивается в ребра,
И не видно куда наступаешь.
И за кругом круг совершаешь,
Цикл приближения к любви.

«Что любовь есть без жертвы и боли?»

Но может ли, что любви для
Один ставит на кон себя,
На чашу весов кладет душу —
Пропашую душу свою,
Или, что лучше и краше,
Приносит горячую душу,
Трепещущую,
яркую душу,
Душу, что ищет и алчет,
И радуется, и любит, и плачет.
И отдается стремленью,
Высокого чистого чувства,
Глубинного, вечного чувства
Отдать, подарить, раствориться.
Другому, в другом, для другого
Во имя великой любви?
Это не когда «за», а «напротив»
Не «ради», но «вопреки»,
Не «для», а «несмотря на»,
Это не когда тебя лепят из глины,
И форму тебе придают,
Ласковой ручкой любимой.
Это из камня сплошного,
И каждое твое движение
Для тебя неземное страдание,
И трется твой камень о камень,
И стирается каждый твой угол,
И сыпется тонкий песочек,
Со стертых углов твоих камней.
И мягкость форм обретая,
Ты свою форму находишь,
И через боль ты узнаешь,
Что означает любовь.
Какой тебя делает чувство,
Когда ты себя отрезаешь,
Все лишнее с себя отрезаешь,
Ради к другому любви.

«Любовь силой не завоеешь ведь...»

Ее похищают и связывают,

Заслуживают верностью, временем,
И колыхают пожарами,
Выжигая память о лицах из прошлого,
Ее остужают ветрами пустынными,
Аромат навевая неведомый.
Ее впитывают своей подкожею,
Словно краску свинцовую, черную,
И отметина, след ожоговый,
Как и руки мои ошершавили.
Я заплатил одиночеством,
За любовь мою к матери,
дальше же,
Я отдал свой сон им покойный
И травил организм свой виденьями,
Потерявший враз сновидения.
На краю стоя сумасхождения,
Я свинец впитал с изображением

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.